
Владимир Шпаков

Красное платье

Рассказ

1

Дорога с самого начала не задалась: пробка на выезде, жара под тридцать, да еще кондиционер летит! Вместо приятной прохлады из-за пластиковых решеток струится горячий, пахнувший бензином забортный воздух. Откроешь окно — та же обжигающая волна, закроешь — задохнуться можно. Костя на заднем сиденье молчит, но в зеркале видно: открыв рот, мальчик тяжело дышит.

— Ты как, сынок? — оборачивается Валентина. — Тебе плохо? Слышишь, ты! Ему плохо! Когда починишь кондиционер?! Когда вообще свою развалюху сменишь?!

Это уже в адрес Ветрова, то и дело давящего на тормоз. Разогнаться бы, чтобы салон продуло, только пробка и не думает кончаться. Значит, терпи ад, где роль черта играет супруга. Ее упреки — как полешки в костер под сковородкой, на которую усадили Ветрова. Он никогда не сменит машину, поскольку а) зарабатывает копейки, б) ненавидит жену, в) терпеть не может тещу, слава богу, та отмучалась. Соединить это в логическое целое невозможно, но кто сказал, что черти должны быть логичны?!

Впрочем, тещу Ветров и впрямь не мог терпеть (как и она — Ветрова). И что отмучалась — тоже правда. Собственно, они и ехали на сороковины, за семьсот верст от дома, куда Ветров, знавший состояние старенького «Фольксвагена», предлагал отправиться на поезде.

— У меня топливный насос барахлит. — урезонивал он супругу, — Можем сломаться!

— А ты почини насос! Денежек заработай — и почини! Пусть не ради меня — ради сына! Он же не выдержит поезда, хоть это ты понимаешь?!

— Тогда самолетом...

— И самолет не выдержит! У него не ветрянка, а миопатия!

Миопатия всегда приплеталась, когда требовалось дожать супруга, склонить чашу весов в свою пользу. Иногда болезнь называлась полностью: «миопатия Дюшена», будто французский врач, что открыл эту хворобу еще в XIX веке, своей экзотической фамилией освящал страдания матери, отдавшей все силы больному чаду. А ведь Ветров тоже отдавал силы. И страдал не меньше Валентины, хотя в последнее время все чаще раздражался. Вот и во время того спора вспылил, послал жену подальше и ушел в гараж, где тут же нашлась компания. Мужики травили анекдоты, ржали, а Ветров тупо накачивался водкой. Только водка не снимала груз с души, наоборот — придавливала к земле. Вернулся домой за полночь, чтобы застать на кухне Валентину, неспящую и

Шпаков Владимир Михайлович родился в 1960 году в Брянске. Прозаик, драматург, критик. Автор восьми книг прозы, ряда пьес и множества литературно-критических статей. Живет в Санкт-Петербурге. Последняя прозаическая публикация в «ДН» — рассказы (2016, №12).

злую. После чего они еще час высказывали друг другу накипевшее. Такая была у обоих отдушина — свалишь на другого вину, и вроде как легчает.

Сейчас Валентина тоже на красной черте. Вот еще чего-нибудь вякнет — точно получит! При сыне они старались не собачиться, берегли и без того богом обиженного, но тут вариантов нет...

— Господи, ну почему так поздно выехали?! Мы же не успеем за сегодня доехать!

— Не успеем — заночуем в дороге... — цедит сквозь зубы Ветров.

— Ага, у тебя денег много! Гостиница тоже не бесплатная, между прочим!

Когда Ветров набирает воздух, чтобы выдать *обратку*, сзади внезапно сигналият.

— Кому это я мешаю?! — пялится в зеркало Ветров. Там виден черный внедорожник, хозяин которого бурно жестикулирует, типа Ветров — чмо.

— Ах ты, козел...

Высунувшись в окно, он оборачивается назад и матерится, заглушая гул моторов. В другое окно вылезает на полкорпуса Валентина и тоже орет.

— Вот заразы! — говорит, усевшись на место. — Накупят своих джипов и думают — они главные!

— Ну да! — отзывается Ветров, — То фарами мигают, то гудят... Короли дороги, блин!

Они сбрасывают напряжение, объединившись вокруг общего врага. Но это ненадолго. Час, другой — и опять найдется повод цапнуть друг друга. Если бы их души можно было представить визуально, те оказались бы полностью покрыты царапинами, ссадинами и кровоподтеками. Физически это проявлялось тем, что Валентина каждые две недели тщательно закрашивала корни волос — скрывала седину. А Ветров обрел привычку засовывать руки в карманы. Поздоровается с кем-нибудь — и в карман, чтобы не было заметно тремора. Не алкогольного (если бы!), просто руки начали как-то подозрительно дрожать, даже если месяц в рот не брал спиртного. Общей у супругов была затаенная тоска в глазах. Тоска тщательно маскировалась, особенно на людях, но от себя-то ее не скроешь...

Безысходность поселилась в семействе Ветровых пару лет назад. Первые годы жизни Кости были, как у всех мальчишек — лазал по деревьям, гонял мячик во дворе, даже дрался иногда. В школу пошел, как все, — но во втором классе внезапно начал слабеть. Пришлось сопровождать на уроки, для чего вызвали тещу — та водила Костю в школу, а дома, пока родители работали, обихаживала единственного внука. Только слабость (несмотря на массажи и растирания) не покидала, напротив — усиливалась. Однажды теще пришлось едва ли не на руках затаскивать Костю по лестнице, а вскоре тот и вовсе перестал ходить. А потом инфекции — одна за другой! В младенчестве мальчик почти не болел, тут же не было вируса, который он не подхватил бы. Причем даже от обычной простуды Костя буквально задыхался, дважды в реанимацию попадал. Что говорили врачи? Вначале на проблемы с иммунитетом напирали, мышечную слабость диагностировали, лишь спустя года полтора, когда позвоночник изогнулся дугой, прозвучало: миопатия Дюшена. А следом озвучили перспективы: коляска, специальный корсет, дальнейшая атрофия мышц, и это на всю жизнь. Каковая, уточнили, будет недолгой. Какой недолгой?! Ну, до двадцати, может, дотянет, если уход будет соответствующий. Но до тридцати — вряд ли...

Как водится, врачам не поверили. Возили мальчика к медицинским светилам, массажистам, мануальщикам, а еще (по наводке тещи) к народным целителям. Денег истратили бездну: все семейные запасы угрохали, потом дачу продали — на благое дело не жалко. В ту пору Ветровы сплотились, даже какое-то воодушевление появилось в семье. Но годы шли, симптоматика ухудшалась, и мрачные прогнозы вдруг сделались реальностью. Практика неумолимо доказывала: да, недолгая жизнь у таких больных. И можно ли это жизнью назвать? Кормление с ложечки, утки, бессмысленные процедуры... Слово «бессмысленно» все чаще звучало в их разговорах. Что ни делай,

все равно упираться в стену, и впереди маячит понятно что. Тут-то и начались скандалы — тяжелые и, если здраво рассудить, тоже бессмысленные. Валентина взялась ковыряться в его родословной, обнаружив там некие наследственные болезни, Ветров в пылу полемики также мог пройти по ее генеалогическому древу. Да что — древо?! Тут живой пример — теща! От нее-то, обладательницы целого набора хронических болячек, тлетворный ген и перескочил на мальчика! Понятно, что супруга зверела, так что полемика, как правило, заканчивалась истерикой.

«Хоть бы на трассе не заводилась... — думает Ветров, кося глаз на жену, — А то ведь можно в столб или в дерево впилиться!» Когда «Фольксваген» добирается до скоростного шоссе, Ветров оборачивается.

— Ну вот, сейчас поедem с ветерком...

По лбу мальчика стекает струйка. Стараясь улыбаться, тот делает попытку утереть пот, только рука не слушается.

— Сейчас утру, Костенька... — бормочет жена, заметив испарину. А Ветров, испытав мгновенный укол в сердце, топит газ.

Первая сотня километров пролетает быстро. А дальше опять втык — дорожники сразу две полосы закрыли, оставив потоку игольное ушко.

— Почему они ночью не работают?! — нервничает Валентина. — Почему в разгар дня надо асфальт укладывать?!

Насчет графика работы ремонтников Ветров солидарен, а вот насчет разгара дня... Действительно поздно выехали, скорее, день клонится к закату. А впереди еще полтысячи километров. Можно и при свете фар ехать, конечно, только ночью Ветров за себя не отвечает.

В очередной пробке они теряют час. Когда выползают на оперативный простор, Ветров наверстывает упущенное: девяносто, сто, сто двадцать... И тут же окрик:

— Куда гонишь?! Как можно на твоём корыте такую скорость развивать?!

— Сама ты — корыто!

— Ну да, еще старой гримзой обзови! Как маму!

— Да причем тут мама?!

— Ты ее так обзывал! Что, не помнишь?! Зато я помню!

Ветров и впрямь не помнит, хотя допускает. Не сложилось у него с тещей, причем с самого начала, когда только поженились с Валентиной. Ветров старался понравиться, видит бог, даже «мамой» одно время ее называл. Но вскоре остановился на «Зое Васильевне». Какая «мама», если по десять замечаний на дню тебе делают?! Причем начиная от зарплаты, каковая не соответствует потребностям молодой семьи, и заканчивая манерой поведения за столом. Ветров увлекался беседой, особенно когда выпивал, становился шумным, громко хохотал, за что после каждого семейного праздника огребал. Потому и праздники предпочитал проводить дома, а не у тещи в гостях, хотя Валентина тащила к ней то на Новый год, то на Пасху, что для Ветрова — нож острый. А после клятого *Дюшена* нож вообще превратился в мачете, шинковавший зятя на мелкие кусочки. Теперь не они туда, а она сюда зачастила, месяцами у них жила. Да, ухаживала за Костей, всю себя ему отдавала, но Ветров-то при этом был главным виновником семейной драмы! Даже когда Зоя Васильевна молчала, казалось, в воздухе звучит прокурорский вердикт: виновен! Самое мягкое, что ему говорили: «Вы не чуткий» (они обращались друг к другу на «вы»). Вот у нее сердце, почки, поджелудочная — а он даже не поинтересуется, как она себя чувствует! И к жене не проявляет чуткости, а главное, к больному сыну равнодушен. Что было, конечно, неправдой. Про внутренние органы Зои Васильевны Ветров мог забыть, а вот о мальчике думал неотступно. И если не всегда хватало на «сюси-пусси», то он все-таки мужчина. Мужчина?! А вот выкуси, Ветров, в этом звании тебе отказано, потому что а) твой мелкий бизнес накрылся, б) на работу не мог устроиться три месяца, в) устроился, но заработок — курам на смех! И тут не поспоришь, заработки за

последний год упали ниже плинтуса. Вся продукция на их заводике пластиковых изделий начала скапливаться на складах, не находя сбыта, а директор (школьный товарищ Ветрова) только руками разводил, мол, кризис! И что делать? По любому нужны лекарства, коляска, специальные корсеты, закрепляющие позвоночник, — и все это за сумасшедшие бабки! Тогда-то и начала затягиваться на шею долговая петля. Вначале школьный товарищ выручал, другие сослуживцы, кто был в курсе и сочувствовал, а дальше по наклонной: брал у всех, даже под процент. Втихаря брал — ни супруга, ни (тем более) теща о долгах не знали. Но час расплаты был близок, месяц-другой, и на пороге квартиры возникнут коллекторы, о чем Ветров даже думать боялся.

В очередной раз обстановку накаляет неработающий туалет на бензоколонке. Валентина устраивает разнос местным служащим, грозит дойти до областного начальства (хотя вряд ли представляет, в какой области находится). Она раздраженно двигается вдоль прилавок местного маркета, хватая не глядя какие-то леденцы, чипсы, чтобы вскоре вывалить их на заднее сиденье.

— Угощайся, сынок... — говорит, сдерживая клокочущие эмоции. — А вот по малому сходить — не получится!

— Да я не хочу, мам... — смущается Костя.

— Да? Зато я хочу. Что ж, придется искать укромное место, а потом: мальчики налево, девочки — направо...

Укромное место находится через пару километров, благо дорога идет сквозь дремучие лесные массивы. Первой в чащобе скрывается Валентина. Ветров тоже вылезает, затем опять сует голову в машину.

— Точно не хочешь? — спрашивает. — Я помогу, если что...

— Не хочу, — мотает головой сын. И тут непонятно: либо правду говорит, либо готов терпеть до последнего. Кормление с ложечки — куда ни шло, но туалетные процедуры для подростка — это ж мука смертная, у него от стыда даже лицо судорогой сводило.

В лесу слышно, как над головой тихо шелестят под ветром кроны, и где-то вдалеке щебечет птица. Муравьи под ногами ползают, а вон вылез желтый гриб, кажется, сыроежка.

Застегнув ремень, Ветров прислушивается к непривычной тишине. Он давно не выбирался в лес; и грибов не собирал давно, и на рыбалку положил с прибором. Ему не хочется обратно — туда, где ворох проблем, переживаний, и каждую секунду ждешь очередной истерики. «Эх, остаться бы тут...» — пронзает мысль. Хочется сделаться лесной пичугой, превратиться в муравья, в неприметный куст — лишь бы не возвращаться в ад, обманчиво похожий на жизнь...

— Эй, где ты там застрял?!

Окрик с трассы возвращает в реальность. И Ветров, зачем-то сорвав гриб, возвращается.

— Держи! — сует сыроежку сыну. — Когда поправишься, пойдем с тобой грибы собирать. Белые, подосиновики, ну и сыроежки тоже.

Он старается говорить бодро, хотя сам не верит своим словам. «Сказка про белого бычка» — называл он оптимистические байки, которые выдавали то Ветров с Валентиной, то покойная теща. Планов на будущее было выстроено громадье, да только все они напоминали песочные замки, что распадаются от первого дождя...

Спустя час машина выскакивает из леса на открытое пространство. Влево и вправо до горизонта — бескрайние поля, покрытые высокой травой. Когда зависший впереди красноватый огненный шар касается земли, перистые облака окрашиваются в багровые тона — ну очень красивый закат. Только Ветрову не до живописных пейзажей. Бессмысленна эта красота, как и все, что в последнее время происходит. Закаты, восходы... Чушь собачья!

Еще через полчаса на трассу медленно наползает тьма. Включенные фары не

помогают — дорога не ах, запросто колесо в выбоине потеряешь, если разгонишься. А еще встречные слепят! Вот чего ближний не включить, а?! Ветров-то включает, когда видит идущую навстречу машину, а эти уроды — ни хрена! Вскоре он тоже перестает включать. Назло, пусть уродов тоже ослепляет! Но удовольствие от этого быстро кончается. После целой кавалькады встречных начинают слезиться глаза, и вдруг — фьюу! — буквально на расстоянии вытянутой руки пролетает большегруз!

— Ты чего — обалдел?! — вскрикивает Валентина. — За дорогой смотри!

— Смотрю... — бормочет Ветров. Нет, такая езда не годится. Еще три сотни километров до цели, и не факт, что остальные фуры пролетят мимо. Он смотрит на придорожные таблички — на них сплошь названия деревень и сел, в таких не заночуешь. И вдруг «Пряжск. 10 км». Похоже, город, там должна быть гостиница. Ветров доезжает до поворота и притормаживает.

— Все, нужно передохнуть до утра.

Впервые за день супруга не вступает в спор — понимает: ехать ночью опасно. «Фольксваген» сворачивает направо, чтобы минут через десять въехать на центральную улицу.

— Ну и дыра... — разочарованно произносит Валентина, глядя на неказистые строения за окном. — Представляю, какие здесь отели!

Указателей, мол, гостиница там-то — не видно. Аборигены тоже не в курсе, а может, просто забыли, поскольку повально пьяны.

— Гостиница?! — очередной местный житель, покачиваясь, чешет затылок. — Была вроде. Но потом ее переделали — под торговлю. А-а, еще одна есть! Но это далеко.

— Как проехать?

Абориген долго и путано объясняет, после чего (в качестве компенсации) требует сигарету.

— Бери две, — говорит Ветров. Они едут по темным улицам, сворачивают, куда указывали, только отелем и не пахнет. Пахнет помойкой, коровьим навозом, а дома делаются все меньше; если на центральной улице еще были пятиэтажки, то здесь, похоже, частный сектор.

— Н-да, попался нам Сусанин... — бормочет Валентина, тревожно оглядываясь. — Может, обратно вернемся? Еще у кого-то спросим?

И вдруг — о, счастье! — в свете фар мелькает полицейская форма. И машина, раскрашенная в белый и синий цвета. Ветров резко газует, чтобы вскоре услышать:

— Так вы же в другую сторону уехали!

— Да? А как нам...

— Развернитесь, потом прямо полкилометра. Далее левый поворот, после чего сверните направо... Хотя ладно, езжайте-ка лучше за мной!

Семейство веселеет — все-таки представитель властных структур, не гопник какой-нибудь. Они долго плутают по улицам, где хоть глаз выколи, чтобы затормозить возле двухэтажного строения с подсвеченной надписью над входом «Гостиница "Пряжская"». Ветров горячо благодарит доброго полицейского, и тот решает выполнить свой долг до конца:

— Вы это... Ценных вещей в машине не оставляйте.

— А что так?

— Шалят у нас... — полицейский разводит руками. — Депрессивный город, что поделаешь!

Приходится перетаскивать в холл чемоданы, подарки, ящик с инструментами, Костино кресло, затем самого Костю. Ветров несет его на руках, чувствуя обмякшее тело сына, который даже за шею обхватить не в силах. Что-то напрочь лишённое мышц, даже скелета, будто из человека вытащили не только позвоночник, но и все косточки. И опять охватывает отчаяние. Господи, ну за что?! Вот только что полдесятка алкашей с ними общались, некоторые, видно — полные отбросы, и ничего,

живут себе припеваючи! А мальчик в чем провинился? И они, родители, в чем виноваты?!

Еще раз этот вопрос он задает после того, когда устроились в номере с облезлой мебелью и вываленными из стены розетками. Теперь можно выйти, закурить (в машине дымить запрещено) и поднять глаза к усыпанному звездами небу. Звезды сияют холодным светом, загадочно отмалчиваясь. Есть ли среди них бог? А если есть — слышит ли тех, кто вопиет внизу? Нет, навряд ли. Вот видел сегодня Ветров мурашей в лесу, захотел бы — смог бы запросто сотню раздавить. Тысячу мог бы, да что там — муравейник мог бы сжечь, а что при этом переживали бы крошечные насекомые — ему по барабану. Вот и создателю небесных светил люди по барабану, мы для него не муравьи даже — вредные микробы...

Окно их номера, что рядом с гостиничным крыльцом, распахивается.

— Колесо из машины принеси! — раздается голос Валентины.

— Какое колесо?!

— Запасное! Сам же слышал: могут украсть!

— Хорошо, принесу...

«Да провались ты со своим колесом... — думает Ветров, швыряя окурки в урну. — Дайте хоть пару часов отдохнуть от этого бедлама!» И подняв воротник, устремляется в темноту.

Дорогу до центра он не помнит, идет наобум. Ноги то и дело проваливаются в какие-то ямы, Ветров спотыкается на колдобинах, продолжая движение в никуда. Но вот один уличный фонарь, затем еще несколько, значит, внутренний компас ведет в правильном направлении.

Центральную улицу тоже не назовешь залитой светом. И народу на ней с гулькин нос, лишь парни и мужики кучкуются там и тут. Ветров движется мимо компаний, ловя на себе подозрительные взгляды — чужака в забытом богом городишке опознают на раз. И хрен с ними, пусть глазают. А вот если пристанут — мало не покажется! У Ветрова даже кулаки в карманах сжимаются, когда представляет драку с аборигенами. Порвет любого, так что не суйтесь к залетному, жители депрессивного города...

Неожиданно для самого себя он направляется к группе парней — шумных, матерящихся и что-то пьющих из металлических банок. По виду — отморозки, гопота, так нет же, именно к ним потянуло!

— Закурить есть? — спрашивает Ветров. В кармане у него половина пачки, но тут, что называется, шлея под хвост. А главное, интонацию с ходу берет грубую, типа нарывающегося мужика.

— Держи... — протягивают сигареты.

— А огоньку?

— И это найдем...

Парни оглядывают его, но как-то лениво, без желания войти в клинч. А Ветрову хочется клинча. Чтобы привязались, накинулись, потом кто-то вытащит из кармана нож и... И все. Кончатся мучения, оскорбления, истерики, бессонные ночи и т.п. А самое главное, он будет не виноват — ну вышло так!

Выждав паузу, он спрашивает:

— Где тут выпить можно? Кафе или ресторан имеется?

— Шалман за углом, — звучит ответ, — круглосуточный.

Разочарованный Ветров идет за угол. Неоновая вывеска «Ромашка» собирает представителей мужского пола, как лампа — мошкарку: тут самое интенсивное клубление алкашей. Ветров продирается сквозь толпу курящих на крыльце, входит внутрь и направляется к стойке.

Первая порция — двести плюс томатный сок (закусывать почему-то не хочется). Хотелось бы, чтобы порция была и последней, все-таки с утра за руль. Да куда там! Ветров знает: он не остановится; знает и то, что облегчение возникнет лишь вначале, дальше мрак, тот же ад, только в кубической степени.

Он выбирает пустой столик, без компании: если конфликт не задался, лучше выпить в одиночестве. Но оно, увы, тут же нарушается неким седобородым персонажем.

— К вам можно? — спрашивает и, не дожидаясь ответа, ставит Ветрову на стол стакан и блюдце с бутербродом.

— Увидел новое лицо и решил познакомиться! — радостно сообщает персонаж. — Меня зовут Аркадий Павлович. А вас?

— Бонд, — криво усмехается Ветров, — Джеймс Бонд.

Аркадий Павлович хохочет.

— А вы с юмором, это хорошо! Ну, тогда за знакомство!

Они чокаются, и Ветров отхлебывает половину.

— Вы, я вижу, приезжий?

Ветров кивает.

— То-то я вас раньше не видел... Что ж, мы тут тоже с юмором. Вот это заведение, например, в народе именуют «Рюмашка». А еще у нас есть памятник козлу!

— Козлу?!

— Ему самому. Только не путайте с козой. Памятник козе есть, например, в Нижнем Новгороде. В Урюпинске, опять же, стоит такой памятник. А у нас — козел! Самец, в смысле.

Ветров молчит, переваривает информацию.

— Что ж, тогда — за козлов!

Он намахивает остатки, чувствуя: потащило. Однако к стойке не спешит — нужна пауза.

— А почему ваш город — депрессивный? — задает вопрос.

— А-а, уже знаете... Тут раньше было несколько оборонных предприятий. Потом перестройка, конверсия, и — конец благополучию. Тысячи людей за бортом жизни оказались. Кто-то уехал, кто-то спился, были и такие, что с собой кончали. Это и называется — депрессия.

«Мое место, — думает Ветров, — У меня вся жизнь — сплошная депрессия, пора переезжать в Пряжск».

— Но не хлебом единым, как говорится. Есть тут и кое-что другое. Успенский монастырь, например, неподалеку. Не были? Обязательно посетите! Там сейчас все восстановлено, но главное — икона чудотворная есть! Говорят, от разных болезней помогает!

Увлечшись, Аркадий Павлович вспоминает какие-то графские развалины, стоянку первобытных людей — похоже, краевед-любитель. Но Ветров слушает вполуха. Он идет к стойке, берет еще двести, затем возвращается.

— Икона, говорите... — произносит, отхлебнув. — Видал я иконы. И в монастырях бывал. И к экстрасенсам ездил. Даже у одного шамана был в гостях! И что?! Ничего!

Не ожидавший такой реакции собеседник с удивлением таращится на Ветрова.

— Что у вас с руками?!

А у Ветрова опять тремор, будто он с дикого бодуна. Он с трудом доносит стакан до рта, отпивает и (тоже с трудом) ставит обратно.

— Руки — ерунда! Главное, против этого Дюшена ничего не помогает, понимаете?!

— Против чего, извините?!

— Есть тут один... Француз, кажется. Так вот нету средств против него! Ни-ка-ких!

Посетители уже начинают оглядываться. А Ветров в одном шаге от срыва, одно неверное слово — и понесется душа в рай!

В себя он приходит на крыльце. Его поддерживает Аркадий Павлович, помогая спуститься вниз.

— Как быстро вы запьянели... Не закусываете потому что! Да и состояние ваше... У вас что-то случилось? Тогда извините. Я к вам с юмором, а вы...

Они доходят до угла.

— Живете в гостинице?

— Угу.

— Сами дойдете?

— Угу.

Зависает недолгая пауза, и уже в спину произносят:

— А монастырь посетите! Совершенно невероятные вещи там происходят, поверьте!

Обратный путь Ветров одолевает на автопилоте, каким-то звериным чувством угадывая направление. На лице блуждает саркастическая ухмылка, дескать, плавали — знаем! Покойная теща тоже норовила затащить то в святую обитель, то к каким-то знахаркам и тоже рассказывала сказки про чудеса чудесные. А себя не уберегла, хоть и причащалась, и исповедовалась каждую неделю. Теперь вот зять едет посмертные почести воздавать, хотя с превеликим удовольствием манкировал бы. С похоронами свезло — Косте в те дни нужно было важные анализы сдавать, и супруга поехала одна. Теперь не увильнешь: делай, Ветров, скорбное лицо и показывай, насколько ты безутешен. А еще слушай родню, которая будет славословить бесценную Зою Васильевну, а «в кулуарах» — обсуждать наследство. Там всего наследства — двушка в хрущевке, подписанная брату Валентины, отцу троих детей. Но обсуждение таки произойдет, поскольку не всем такое решение кажется справедливым. Если честно — и Ветрову не кажется, но влезать он не станет.

— Не втягивай меня в ваши разборки! — заявил недавно жене.

— Что значит — ваши?! Тебя это не касается?!

— Да, не касается!

К гостинице он подкатывает на взводе, готовый к скандалам, ссорам, оскорблениям и т.п. Но Валентина непривычно тихая, с распухшим носом.

— Все в порядке? — напористо вопрошает тот, кто «явился — не запылится» (любимое присловье супруги).

— Потихше говори... — отворачивается она. — Костю разбудишь.

Ветров сбит с толку: начинать скандал — не его прерогатива, стартовый выстрел обычно дает жена.

— Так все нормально?

— Нормально. — отвечают после паузы, — Просто маму жалко. Костю жалко. Да и нас тоже...

Она начинает хлюпать, чем окончательно обезоруживает Ветрова. Он оглядывает неказистый номер, заваленный скарбом.

— Колесо надо принести... — бормочет и, поднявшись, идет к машине. Когда он втаскивает колесо, Валентина сбивчивым шепотом говорит про операцию, что делают в Израиле. Мол, есть успешные случаи, когда пусть не излечивают, но хотя бы останавливают прогрессию болезни. Прооперированный получает шанс на жизнь, а может, и на выздоровление — мы же не знаем, куда через двадцать лет медицина шагнет!

Не первый раз она заводит этот разговор, надо признать, бесивший Ветрова. Зачем толочь воду в ступе?! Цена операции — дюжина ветровских «фольксвагенов»; плюс дорога, плюс месяц проживания за границей... Но он молчит. Что-то прочно забытое проснулось, чего не хочется спугнуть.

— Ладно, посмотрим... — отвечает уклончиво. — А сейчас спать давай.

Ночью он спускается на лыжах с горы. Рядом — Костя, закладывает виражи, как заправский слаломист. «Ну, молодец! — гордится папаша Ветров. — Уроки не прошли даром!»

— А что там внизу? — спрашивает он сына.

— Как что?! Монастырь! Там происходят невероятные вещи!

Ветрову хочется сказать: невероятно то, что ты научился стоять на лыжах! Мы еще и коньки тебе купим! Велосипед! Но говорить некому — оторвавшись, Костя уносится по склону. Ветров безуспешно пытается его догнать, несется вниз, чтобы вскоре проскочить через широкие ворота и оказаться внутри высоких монастырских стен. Удивительно — вместо собора тут возвышается памятник козлу! А вокруг водят хоровод жители Пряжска во главе с Аркадием Павловичем.

— Ну как? — подмигивает тот, — Я ж вам говорил, а вы не верили!

2

Он просыпается то ли от жары, то ли от сушняка. Подняться, дойти до стола, где стоит минералка, а, черт! Ветров спотыкается, не заметив колеса, оно с грохотом падает и всех будит.

— Что ты как слон?! — доносится с кровати жены. — Ни ночью, ни днем покоя от тебя нет!

Призрачное ночное согласие испарилось, воцаряется привычная предгрозовая атмосфера. Каковая вскоре оборачивается настоящей грозой.

— Да от тебя разит, как из винной бочки! — восклицает супруга. — Любой гаишник в два счета унюхает!

— Ничего, прорвемся... — бормочет Ветров, хотя сам чувствует: хмель не прошел. На лбу испарина, руки дрожат, да и ноги заплетаются — он едва не роняет сына, перенося в машину, за что огребает очередные звездюли.

— Как теперь поедем?! — кусает губы Валентина, — До первого поста ДПС?! Ах ты скотина... Хорошо, я свои права взяла!

Супруга усаживается на водительское сиденье, Ветров занимает место справа. Да, он скотина, потому что такая жизнь, черт бы ее побрал! Прервал бы ее кто, перерезал ниточку одним махом, чтобы не мучиться!

Прихлебывая из бутылки, Ветров указывает путь на трассу, после чего прикрывает глаза. Супруга водит осторожно, на нее можно положиться. Ветрова нередко штрафовали, как-то прав на полгода лишили (за что Валентина пилила ежедневно), она же — само воплощение ПДД. Знак 40 км/час увидит — с такой скоростью и поедет. Про выезд на встречку и мысли нет, она вообще никого не обгоняет. А главное, молчит за рулем — все внимание на дорогу.

Открыть глаза приходится, когда машина делает резкий вираж на обочину. Летящая навстречу белая тачка проносится в нескольких сантиметрах от них и исчезает где-то сзади. А «Фольксваген» начинает мотать влево-вправо, чтобы вскоре вынести на встречную полосу. Далее замедленная съемка, когда два глаза фиксируют происходящее независимо друг от друга. Левый глаз видит раскрытый рот Валентины и белые костяшки пальцев, намертво вцепившихся в руль. Правый наблюдает огромную синюю кабину, с которой они сближаются. Сближаются стремительно, да что там — с бешеной скоростью, но мозг успевает прочесть: SCANIA. Левый глаз фиксирует, как пальцы отрываются от руля и Валентина закрывает руками лицо. А в правом промельк чего-то красного. Что не совсем понятно, поскольку фура (он успевает понять, что это — фура) светло-синяя, можно сказать, голубая. Последней вспышкой мелькает: конец! Далее удар, их закручивает и выбрасывает на обочину. В шею впиваются острые осколки, «Фольксваген» с треском ломает березы, и — тишина...

Тишина длится с полминуты, не меньше. Двигатель заглох, фура пронеслась, дорога пуста. А перед глазами почему-то качается пролезшая в салон ветка с мелкими зелеными листиками.

Отодвинув ветку, Ветров видит: Валентина так и сидит, закрыв лицо руками, вроде целая и невредимая. Теперь обернуться, чтобы увидеть широко раскрытые глаза сына.

— Как ты? — разлепляет губы Ветров.

— Все хорошо, — звучит ответ, — а у тебя это... Кровь!

Ветров проводит рукой по загривку — и впрямь кровь. Но боли он не чувствует.

— Ерунда, это осколки... Осколками посекло.

Только потом рядом возникают люди, и кто-то кричит:

— Аккумулятор отсоедини!!! Аккумулятор, говорю!!!

Дальнейшее происходит без его участия. Просят открыть капот, и Ветров выполняет просьбу, будто робот. Потом распахивается дверца, и он, как сомнамбула, вылезает наружу. Ему вроде как показывают кино, где он не участник, а зритель. Он еще там, на дороге, где два автомобиля неслись навстречу друг другу — и каким-то чудом разошлись, зацепило только багажник. Перед глазами синяя кабина, красный промельк, некий силуэт...

Когда худощавый мужик в тельняшке пытается вытащить сына, Ветров наконец включается.

— Подождите, я сам...

Он осторожно укладывает Костю на траву.

— С ним все в порядке?! — тревожится мужик.

— В порядке... Он просто болен.

— Ну слава богу... И вы, я вижу, уцелели... А я ведь думал — все! Когда вы передо мной выскочили, я решил: кранты! Ну, вам кранты! А вы как-то вывернулись! Господи, счастье-то какое...

Похоже, это водитель фуры, он ощупывает Ветрова, чтобы убедиться: тот цел и невредим. Затем помогает вылезти супруге, все еще пребывающей в шоке. Ветров оборачивается. Ну да, багажник вдрызг, заднее стекло в мелкое крошево, а в целом — *вывернулись*...

На дороге тормозят машины, водители высовываются из окон: нужна ли, мол, помощь? Кто-то едет дальше, кто-то задерживается, спешит с аптечкой, с баклажкой воды, так что народу постепенно прибывает.

— Да живы, живы! — радостно восклицает водитель фуры, отвечая на расспросы. — Думаю, и машина на ходу!

Улыбка до ушей открывает железную фиксу у него во рту. А вот напарник, что закончил возиться с аккумулятором, не столь весел — он что-то вполголоса говорит о разбитом подфарнике. Но обладатель тельняшки отмахивается:

— Фигня, страховка покроет! Главное, не убили никого!

В ожидании полиции Ветрова подводят к большегрузу. Поясняют, мол, виновата белая иномарка, что обгоняла фуру по встречке и заставила «Фольксваген» вырुлить на обочину. А какие тут обочины? Рваный асфальт да песок, вот вас и начало таскать влево-вправо! Ветров думает: надо бы Валентине передать, чтоб себя (а заодно и его) не грызла. Хотя на самом деле его волнует другое. Он ощупывает крупные серебристые буквы SCANIA на капоте фуры. Ну да, он их помнит. И синеву кабины помнит; но ведь было что-то еще!

— А вы не заметили... — нерешительно спрашивает он. — Ну, красное?..

— Что — красное? — не врубается водила в тельняшке.

— Вроде как платье...

Ветров смущается своих слов. Что за ересь он несет?! Сейчас нужно думать, как с гаишниками объясняться, где эту чертову иномарку искать, а он про какое-то платье!

Переглянувшись, дальнбойщики пожимают плечами.

— За платье ничего не скажу, — отвечает напарник. — А вот что у вашей семейки сегодня второй день рожденья — это к бабке не ходи!

Разборки с ГИБДД, вызов эвакуатора, каковой оказался не нужен (машина и впрямь была на ходу), заполнение бумаг на посту ДПС — все это происходит будто во сне.

— Номер не запомнили? — интересуется молоденький светловолосый лейтенант.

— Чей номер?

— Иномарки, что по встречной неслась. Мы бы в розыск объявили, а потом привлекли за создание опасной ситуации!

Только Ветров не помнит, как и супруга. Оба будто ушибленные пыльным мешком, так и не осознали пока, *что* с ними произошло. Ветрову опять хочется спросить про платье, но он сдерживается — это будет выглядеть совсем уж нелепо. Он спрашивает другое:

— А дорогу в том месте часто перебегают?

— В месте аварии? А кому там перебегать? Медвежий угол, разве что животное на проезжую часть выскочит... Но в вашем случае виноваты не животные, а гомо сапиенсы.

Выдав перл про «сапиенсов», лейтенант улыбается. Он явно доволен: ДТП без трупов, вообще без вреда здоровью — это ж мечта! При другом раскладе торчать бы тут еще одну смену, а так — снял показания, и гуляйте на все четыре стороны.

Наконец их отпускают. За рулем опять Ветров, чей хмель испарился, как утренний туман. Валентина помалкивает, чувствуя свою вину, он тоже молчит, поглощенный странным видением. Чем дальше отъезжают, тем отчетливее проявляется картинка, словно на опущенной в проявитель фотографии. Но поверить в такое, значит, тронуться головой — этого не может быть!

— Чего не может быть?! — удивляется супруга.

— А я это сказал?!

— Сказал...

Пауза, затем звучит ответ:

— Не обращай внимания, это я о своем.

3

Они успевают аккуратно к застолью. В пути многожды связывались с родственниками, сто раз все рассказали, однако по прибытии опять требуют подробностей. Вот прямо так, из-под колес выскочили?! Надо же, повезло! Радостное событие заслоняет печаль поминок, тосты звучат в основном за здоровье. Ну и конечно, каждый норовит подлезть к Косте, что-то ободряющее сказать или сунуть в карман гостиницу.

— Ты своих-то притормози! — не выдерживает Ветров. — Замучили парня, а ему и так после всего...

Обычно выражение «свои» (типа — твоя тупая родня) пробуждало негатив, но тут Валентина исполняет просьбу — просит дать отдохнуть мальчику. Она вообще ведет себя тихо, общается в основном с теткой, младшей сестрой покойной матери. Разговор о каких-то вещах, о гардеробе, который требуется разобрать — Ветров не вникает, он сосредоточенно хлопает рюмку за рюмкой. Но странное дело, напиток не получается. И забыть (а забыть ой как хочется!) мелькнувшую перед глазами картинку не получается.

Спасает выход на балкон, где курит брат Валентины. Тот заводит разговор о наследстве, за что-то извиняется, а Ветров и рад. В другой раз отбоярился бы («Не вмешивайте в ваши разборки!»), а тут приземленный быт выручает, вытаскивает из сюрса, что мучает с самого утра...

Гардероб тещи разбирают на следующий день. Сестра лезет в шкаф с зеркалом, чтобы выгрести оттуда ворох пальто, блузок, юбок и т.п. Что-то предлагают Валентине, что-то откладывают себе, дескать, не пропадать же добру. Ветров не взял бы от покойной тещи даже пары носков, но мужских вещей в гардеробе, по счастью, нет.

— Ладно, — не выдерживает он, — вы тут заканчивайте, а мне надо машину в ремонт ставить!

— Да уже закончили!

Сестра упрятывает вещи обратно и вдруг останавливается.

— Хотя погоди-ка... Валь, смотри какое платье! Зоя его весной купила, хотела на юбилей покрасоваться — да так ни разу и не надела! Возьми себе!

Когда разворачивают платье, Ветрову делается не по себе. Красное, приталенное — именно оно мелькнуло между «Фольксвагеном» и фурой! Он мог бы поклясться! Еще был силуэт, но какой-то полупрозрачный, неотчетливый, в то время как платье увиделось во всех подробностях... А ведь он уже начал считать мелькнувший образ наваждением, «глюком»!

Пока супруга прикидывает платье на себя, Ветров, не веря глазам, щупает материю.

— Да новое, новое! — говорит сестра. — Ненадёванное!

Под руками что-то мягкое и гладкое, то ли шелк, то ли другая ткань (Ветров тут не специалист).

— Не стоит его брать... — неожиданно произносит он.

— Почему?! — удивляется жена. Она смотрит на отражение в зеркале, затем со вздохом возвращает платье:

— Нет, не подойдет. Я же теперь как вешалка, на мне оно болтаться будет...

У Ветрова — гора с плеч. Не то, чтобы он чего-то боялся, просто не хочется предметного напоминания о чем-то непонятном и абсурдном. Было — не было, с этим еще разбираться, но если перед глазами будет это платье, крыша точно поедет! Она и сейчас не в порядке — Ветров отправляется в автосервис, беседует с мастером, а мысли далеко, душа будто отделилась от тела и витает где-то в иных мирах...

Закончив диагностику, мастер вытирает руки ветошью.

— В общем, на неделю работы.

— Что?!

— Я говорю: задержаться придется.

— А-а... Что ж, задержимся, спешить некуда...

Ветров пока не может сформулировать итог странной (по меньшей мере) истории. Не его это епархия — потусторонние фокусы, он привык стоять на земле, не прибегая к дешевой мистике. Лишь одна фраза крутится в голове, словно заезженная пластинка: «Ничего не заканчивается...» Опять придется ползти по жизни, обдирая локти и колени, что-то делать, таскаться по врачам, ругаться с женой, выкуривать по пачке на ночной кухне, впадать в отчаяние, а потом опять исполняться надеждой. Тащить, короче, то, что суждено тащить.

По дороге к дому Ветров размышляет: не зайти ли в кафе «Северное», где обычно снимал стресс после бурных дебатов с тещей? Но он сдерживает порыв.

В квартире Валентина и ее брат, они о чем-то вполголоса беседуют. В присутствии Ветрова разговор сходит на нет, брат прощается и уходит. А супруга долго молчит, вроде как желая, но не решаясь что-то сказать.

Ветров пристраивается с сигаретой на балконе, где вскоре появляется Валентина.

— Дай мне тоже.

Жена год назад бросила, но Ветров не напоминает — скандалить ни смысла, ни желания нет. Выдохнув дым, та наконец произносит:

— Брат сказал: уступает квартиру нам.

— Да? А с чего это он...

— Сказал: вам нужнее. Если продать по хорошей цене — хватит на операцию. А там — как бог даст...

«Ничего не заканчивается...» — опять всплывает мысль. Город погружается в сумрак, в окнах вспыхивают огни, а Ветровы молчат.